Э. ВАЙНЕРТ — МОРПу
(1931—1932)

Предисловие и публикация Л. М. Юрьевой

Публикуемые семь писем Э. Вайнерта, адресованные в МОРП, Б. Иллешу, охватывают время с июля 1931 г. по апрель 1932 г. В условиях резкого обострения политической борьбы в Германии, когда фашизм рвался к власти, Коммунистическая партия Германии проводила большую, напряженную работу по политическому воспитанию рабочего класса, предостерегая народные массы против усилившейся угрозы фашизма и разоблачая предательскую роль социал-демократических лидеров. Вайнерт, вступивший в ряды коммунистов еще в 1924 г., приобрел к началу 1930-х годов огромную популярность и огромный авторитет как один из наиболее талантливых агитаторов Коммунистической партии. Поэт-трибун, в равной мере владевший оружием и политической сатиры, и высокой гражданской лирики, он был в те годы непременным участником чуть ли не всех массовых митингов и собраний, организуемых партией; кроме того, он с исключительным успехом выступал на так называемых «Вайнертовских вечерах», которые стали своеобразной формой непосредственного общения поэта с народом. Объездив всю Германию, Вайнерт провел (до своей вынужденной эмиграции) более двух тысяч таких агитационно-поэтических вечеров.

Один из соратников Вайнерта по антифашистской борьбе, Франц Лешницер, дал живое описание «Вайнертовского вечера»:

«Гигантский зал задолго до назначенного срока переполнен до отказа. В зале царит оживленное праздничное настроение. Появляется Вайнерт. Рождается буря аплодисментов, для описания которых обычные выражения „бурные овации“ или „нескончаемые аплодисменты“ совершенно недостаточны. Вайнерт вступает на подмостки и слегка, отнюдь не театральным жестом, подымает руку — он просит тишины. Затем он начинает говорить. Вайнерт говорит не торопясь, как будто даже слишком медленно, спокойно, без малейшего следа волнения, без той „боязни рампы“, которой временами подвержены самые искусные ораторы и декламаторы. Но скоро обнаруживается, что он говорит не слишком медленно, а как раз так, как это нужно для впечатления, для того, чтобы его колючие и тонкие, как иглы, остроты и стихийная сила его пафоса производили должный эффект. И ничто не проходит незамеченным, ничто не пропадает! ⟨...⟩

Искренность звучит в переливах его большого голоса, идет от всей его высокой, широкоплечей, светловолосой фигуры и светится на добродушном, юношески подвижном лице. Эта искренность — его ценнейшее свойство — является залогом успеха еще больше, чем присущие ему незаурядные сценические данные. Это свойство его таланта сразу же, с первого взгляда и звука, чувствуют и любят те, которые слышат его впервые. Это снова и снова чувствуем и любим мы, которые видели и слышали Вайнерта бесчисленное количество раз. Отсюда его тесная связь с аудиторией, близость, не уступающая, а может быть и превосходящая ту, которая была между Маяковским и его аудиторией, хотя Вайнерт в девяноста девяти случаях из ста не пользуется его приемом отвечать на реплики публики» (Ф. Лешницер. Эрих Вайнерт.— «Интернациональная литература», 1934, № 3-4, стр. 148—149).

Объединенные общей темой неустанной политической борьбы поэта-коммуниста, поэта-агитатора, публикуемые письма содержат вместе с тем обширный материал, характеризующий те полицейские преследования, с помощью которых правящие круги

буржуазной Германии стремились подавить голос Вайнерта, лишить его возможности непосредственно обращаться со своими стихами и пламенными призывами к народу.

Письма Вайнерта печатаются по подлинникам, хранящимся в Отделе рукописей ИМЛИ. Приложенные к письмам 4 и 5 материалы о полицейских и судебных преследованиях находятся в фонде Вайнерта (ф. 166, оп. 1, ед. хр. 12, л. 1—4).

Из писем, относящихся к этому же периоду, в публикацию не включены два: 1) 5 июля 1931 г.— сопроводительное письмо при отправке материалов к антивоенной кампании, проводимой МОРПом (ф. 166, оп. 1, ед. хр. 20; самые материалы в архиве отсутствуют); 2) 1 сентября 1932 г.— письмо А. Гидашу, касающееся вопроса о выплате гонорара за книгу «Говорит Эрих Вайнерт» (ф. 166, оп. 1, ед. хр. 8).

Три письма, входящих в настоящую публикацию (№ 1, 4 и 6), были напечатаны ранее в кн.: «Aktionen... Bekenntnisse... Perspektiven...», стр. 271—276.

1

GENOSSEN BÉLA ILLÉS, INTERNATIONALES BÜRO

Berlin, den 6.7.31

Lieber Genosse Illés!

Ich danke dir für deinen freundlichen Brief vom 23. Juni [1] und freue mich, dass unsre Bekanntschaft, die persönlich zu machen in Moskau leider keine Gelegenheit war [2], nun wenigstens brieflich geschlossen werden konnte. Ja, ich hatte mit dem Genossen Hidas eingehend über die Intensivierung der *agitatorischen* schriftstellerischen Arbeit in Deutschland gesprochen und auch meine organisatorische Mitarbeit zugesagt. Leider bin ich zu dieser Arbeit bis heute nicht gekommen,was ich auch dem Genossen Becher erklären musste, der mich neulich besuchte, um über unsre künftige innigere Zusammenarbeit zu sprechen, denn (ich weiss nicht, ob es euch bekannt ist) ich muss fast jeden Abend in einer oder mehreren Massenversammlungen rezitieren oder referieren, so dass es mir einfach nicht möglich ist, an Sitzungen teilzunehmen. Meine Tageszeit ist von einer Fülle von Kleinarbeit in Anspruch genommen, als das sind: Propagandaverse und -gedichte, Transparentlosungen, Plakattexte, Truppenlieder, aktuelle Szenen und Revuen für Arbeitertheaterensembles, Prologe für alle möglichen Tagungen und Jubiläen und so weiter. Und dazwischen soll ich auch noch meine aktuellen Gedichte und Artikel für unsere Presse schreiben. Dann kommen hinzu noch zahlreiche Reisen in die Provinz, wo Weinert-Abende veranstaltet werden. Was mir aber an Zeit und Energien noch übrigbleibt, werde ich ganz in den Dienst des Bundes stellen.

Anliegend schicke ich dir ein Gedicht, wie du es wünschtest [3]. Dazu lege ich ein Blatt biographischer Notizen — der Genosse Hidas bat darum,— das vielleicht auch den Genossen Radek interessieren wird, der, wie ich hörte, das Vorwort zu meinem Buche schreibt [4].

Eine Photographie habe ich nicht. Aber der Genosse Deutsch vom «Ogonjok»-Verlag hatte von mir einige Aufnahmen machen lassen, er wird euch sicher gern eine zur Verfügung stellen.

Ich danke dir für die Übersendung der 25 Rubel = 54 Mark, die mir bei meinen jetzigen miserablen wirtschaftlichen Verhältnissen sehr willkommen waren.

Wenn ihr mit den Manuskripten für das projektierte Buch nicht ausreicht, so teile es mir bitte mit, ich werde dir dann noch eine kleine Kollektion neuer Gedichte schicken.

Mit kommunistischem Gruss
Erich Weinert

Bitte um Grüsse an die mir bekannten Genossen.

2 Anlagen.

Перевод

ТОВАРИЩУ БЕЛА ИЛЛЕШУ, МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО

Берлин, 6.7.31

Дорогой товарищ Иллеш!

Благодарю тебя за твое дружеское письмо от 23 июня [1] и радуюсь, что наше знакомство, для которого в Москве не оказалось, к сожалению, подходящего случая [2], теперь может состояться, по крайней мере, в письмах. Да, я подробно говорил с товарищем Гидашем об усилении *агитационной* писательской работы в Германии и дал также согласие на мое организационное участие в ней. К сожалению, до сих пор я не принимался за эту работу; это я должен был объяснить и товарищу Бехеру, который недавно был у меня, чтобы поговорить о нашей будущей более тесной совместной работе, ибо (я не знаю, известно ли это вам) почти каждый вечер я должен выступать на одном или на нескольких массовых собраниях с чтением стихов или с докладами, так что мне просто невозможно участвовать в заседаниях. Мое дневное время заполнено множеством мелкой работы,а именно: пропагандистские двустишия и стихотворения, лозунги на транспарантах, тексты для плакатов, маршевые песни, актуальные сцены и обозрения для рабочих театральных ансамблей, прологи для всевозможных конференций и юбилеев и т. д. И сверх этого я еще должен писать злободневные стихи и статьи для нашей печати. Затем сюда добавляются еще бесчисленные поездки по провинции, где устраиваются Вайнертовские вечера. Но время и силы, которые у меня еще остаются, я всецело отдам работе для Союза.

Я посылаю тебе в виде приложения стихотворение, как ты этого хотел [3]. Прилагаю листок с биографическими заметками — товарищ Гидаш просил меня об этом — возможно, они заинтересуют также товарища Радека, который, как я слышал, пишет предисловие к моей книге [4].

Фотографии у меня нет. Но товарищ Дейч из издательства «Огонек» фотографировал меня несколько раз, он, конечно, охотно предоставит один из снимков в ваше распоряжение.

Благодарю тебя за пересылку 25 руб. = 54 марок, которые были весьма кстати при теперешних моих жалких экономических обстоятельствах.

Если вам будет недоставать рукописей для задуманной книги, сообщи мне, пожалуйста, я пришлю тебе еще небольшую подборку новых стихотворений.

С коммунистическим приветом

Эрих Вайнерт

Передай, пожалуйста, привет знакомым товарищам.

2 приложения

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 8, л. 1—1 об.

[1] Это письмо и другие письма Иллеша Вайнерту в архиве МОРПа не сохранились.

[2] Вайнерт впервые посетил Советский Союз весной 1931 г. (см. заметку в газете «Moskauer Rundschau», 1931, № 27, 31 мая). Об этой поездке он постоянно рассказывал в своих публичных выступлениях (см. об этом п. 3).

[3] Это стихотворение, как и упомянутый далее листок с автобиографическими сведениями, в архиве МОРПа отсутствует.

[4] Готовившийся в это время сборник стихотворений Вайнерта (в русских переводах) вышел в свет в 1932 г. под заглавием «Говорит Эрих Вайнерт». Предисловие к сборнику было написано А. Дейчем.

2

INTERNATIONALE VEREINIGUNG DER REVOLUTIONÄREN SCHRIFTSTELLER. GENOSSEN BÉLA ILLÉS

Berlin, den 24.8.31

Lieber Genosse Illés!

Ich danke dir für deinen Brief vom 12. Juli. Deiner Aufforderung der aktiveren Beteiligung an Arbeiten des Bundes bin ich nach Möglichkeit nachgekommen. Vorläufig habe ich mir angelegen sein lassen, intensive fördernde Kritik an den Arbeiten des literarischen Nachwuchses zu üben.

Was da an literarischen Kräften aus dem Proletariat und den revolutionären Intellektuellen hervortritt, ist recht kümmerlich. Die Intellektuellen vernachlässigen über verstiegener Neutönerei das Wesentliche, den Inhalt und die materialistische Analyse der Situation, die Proletarier ahmen meist in ungeschickter Weise die Formen der bekannten revolutionären Dichter nach; es sind kaum Ansätze ursprünglicher Schöpfungskraft zu spüren. Zu anderer Mitarbeit im Bund kann ich heute wegen meiner Arbeitsüberlastung im Dienst der Bewegung nicht kommen. Jeden Tag habe ich mehreren Versammlungen zu referieren oder zu rezitieren und mehrere publizistische Arbeiten zu schreiben. Nun möchte ich dich einmal fragen, wie weit es mit der Herausgabe meines Buches ist? [1] Wir haben immer noch nicht Vertrag geschlossen, den der Genosse Hidas bereits Anfang Juni schliessen wollte. Habt ihr die Möglichkeit, einen kleinen Teil des zu verabredenden Honorars in Valuten auszuzahlen? Das wäre mir sehr willkommen, da ich wirtschaftlich überhaupt nicht mehr auf die Beine kommen kann. Falls ihr Rubelzahlungen an mich leistet, so führt sie bitte auf mein Moskauer Konto. Es ist: Gossudarstwennaja Trudowaja Sberegatelnaja Kassa No. 72, No. 15162.

Nun habe ich noch eine Bitte an dich. Vor einiger Zeit erhielt ich von einem Moskauer Genossen ein Heftchen zugeschickt: «Pesnja Krasnowo Weddinga» («Lied vom Roten Wedding»), das mit dem Text meines bekannten Liedes in russischer Übersetzung und den Noten von Hanns Eisler im Verlag «OGIS — Molodaja Gwardija», Moskau, herausgegeben worden ist. Es finden sich im Heft folgende Namen: J. Miller als Übersetzer aus dem Deutschen, A. I. Jakobson als Arrangeur und S. R. Ditrich als Textübermittler. Nun weiss beinah jedes Kind in der UdSSR, dass der «Rote Wedding» von mir und Eisler geschrieben ist; aber von unseren Namen wird nirgendwo etwas erwähnt. Nun habe ich garnichts dagegen, wenn populäre Kampflieder anonym sind, dann haben aber die Genossen, die doch nur ein sekundäres Verdienst an der Sache haben, auch ihren Namen als Übersetzer oder Arrangeur wegzulassen. Willst du die Freundlichkeit haben, dich einmal mit dem Verlag in Verbindung zu setzen und ihn auffordern, das bei der nächsten Auflage zu berücksichtigen. Ausserdem hätten Eisler und ich Anspruch auf Honorar. Der Genosse Hidas hatte mir versprochen, mir laufend die Publikationen des Büros und der IVRS zuzusenden, ebenso die «Literatur der Weltrevolution». Ich habe bis jetzt noch nichts bekommen.

Ich hoffe, bald wieder etwas von dir zu hören.

Mit kommunistischem Gruss

Erich Weinert

Перевод

МЕЖДУНАРОДНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ ТОВАРИЩУ БЕЛА ИЛЛЕШУ

Берлин, 24.8.31

Дорогой товарищ Иллеш!

Благодарю тебя за твое письмо от 12 июля. Я последовал по возможности твоему приглашению более активно участвовать в работе Союза. Пока что я решил заняться основательной критикой трудов литературной молодежи для ее поощрения. Литературные силы, которые выступают в этой области из рядов пролетариата и революционной интеллигенции, довольно-таки скудны. Интеллигенты, с их повышенным интересом к новизне формы, пренебрегают существенным — содержанием и его материалистическим анализом, пролетарии большей частью неумело подражают форме известных революционных поэтов; во всем этом едва заметны следы самобытной творческой силы. За другую работу в Союзе я не могу сейчас взяться из-за перегрузки делами, связанными с ⟨партийным⟩ движением. Каждый день мне приходится выступать на нескольких собраниях с докладами или с чтением стихов, а также писать публицистические статьи. Теперь я хочу спросить тебя, как двигается дело с изданием

ЭРИХ ВАЙНЕРТ

Фотооткрытка из серии «Мировые писатели на защиту СССР» с заключительными строками стихотворения Вайнерта «Тайный поход», 1927

Издание Союзфото, 1933, Москва

моей книги? [1] Мы всё еще не подписали договора, который товарищ Гидаш хотел заключить еще в начале июня. Нет ли у вас возможности небольшую часть условленного гонорара выплатить в валюте? Мне это было бы очень кстати, так как в материальном отношении я вообще никак не могу встать на ноги. Если же вы выплатите мне в рублях, то переведите их, пожалуйста, на мой московский счет: Государственная трудовая сберегательная касса № 72, счет № 15162.

Теперь у меня к тебе еще одна просьба. Несколько времени тому назад я получил посланную одним московским товарищем брошюрку «Песня Красного Веддинга», которая была издана в Москве издательством «Огиз — Молодая гвардия» с русским текстом известной моей песни и с нотами Ганса Эйслера. В брошюре значатся следующие имена: И. Миллер как переводчик с немецкого, А. И. Якобсон как автор аранжировки и С. Р. Дитрих как лицо, сообщившее текст. Пожалуй, любой ребенок в СССР знает, что «Красный Веддинг» написан мною и Эйслером; но наши имена нигде даже не упомянуты. У меня нет абсолютно никаких возражений, если популярные боевые песни появляются анонимно; но тогда товарищи, участие которых было все же второстепенным, должны были бы снять свои имена как переводчика или автора аранжировки. Будь добр, свяжись с издательством и попроси, чтобы они обратили на это внимание при следующем издании. Кроме того, мы с Эйслером хотели бы заявить наши права на гонорар. Товарищ Гидаш обещал мне высылать по мере выхода из печати издания Бюро и МОРПа, а также «Литературу мировой революции». До сих пор я еще ничего не получал.

Надеюсь в скором времени снова что-либо услышать от тебя.

С коммунистическим приветом

Эрих Вайнерт

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 8, л. 2—2 об.

[1] См. примеч. 4 к п. 1.

3

Б. ИЛЛЕШУ

Berlin, den 5.10.31

Lieber Genosse Illés!

Deinen Brief vom 29.8. kann ich dir heute erst beantworten, da ich die letzten 5 Wochen auf Vortragsreisen war. Arbeit im Bunde war in dieser Zeit nur insofern möglich, dass ich in allen Orten, wohin ich kam, Agitproptruppen- und Arbeiterdichtern die Notwendigkeit der Aktivisierung des literarischen Nachwuchses ans Herz legte. In den kleineren Provinzorten begegnet man meist einer rührenden Hilflosigkeit. Es ist mir bis jetzt noch nicht eingefallen, wie man am besten mit den redlich herumdillettierenden Provinzschriftstellern Kontakt bekommt und hält.

Meine Erlebnisse und Erfahrungen auf meinen Vortragsreisen werden dich und die Moskauer Schriftstellergenossen sicher interessieren. Um dir ein Bild von dem Umfang meiner agitatorischen Arbeit zu geben, will ich dir nur die Serie der Städte anführen, in denen ich in den letzten Wochen gesprochen habe. Es sind Frankfurt am Main, Höchst, Kreuznach, Friedberg, Wetzlar, Hanau, Gross-Auheim, Wiesbaden, Isenburg, Griesheim, Breslau, Wittenberg, Rostock, Schwaan, Bützow, Schwerin, Wismar, Boizenburg, Grabow, Neustadt, Parchim, Waren, Neustrelitz, Güstrow, Fürstenberg, Auerbach, Falkenstein, Plauen, Zwickau, Hindenburg, Beuthen, Gleiwitz, Neisse, Oppeln. Entweder waren es Abende, wo ich zwei Stunden über meine Reise durch die SU referierte und eine Stunde Gedichte rezitierte, oder Abende, wo ich zwei Stunden lang aktuelle satirische oder agitatorische Gedichte vortrug.

Die interessanteste Beobachtung war, dass meine Vortragsabende in der letzten Zeit zum grossen Teil von Leuten besucht werden, die wir auf anderen Versammlungen noch nicht zu sehen bekommen haben, nämlich Mittelständler, Kleinbürger, Angestellte, Akademiker, Studenten usw. Und selbst diese Schichten zeigten einmütige Begeisterung. Vor allem wurde ich sehr oft von sozialdemokratischen Arbeitern angesprochen, die, unter dem Eindruck meiner Agitation, keinen Hehl daraus machten, dass auch sie jedes Vertrauen zu ihrer korrupten Führung verloren hätten. In manchen Orten bestand das Publikum zum grösseren Teile aus Sozialdemokraten. In vielen Sälen artete die Begeisterung in Ovationen aus. Das musste den Regierenden, besonders den sozialdemokratischen Staatsfunktionären, sehr in die Knochen gefahren sein. Und so ging denn in den letzten Wochen, wie wir schon erwartet hatten, das offizielle Kesseltreiben gegen mich los [1]. Zuerst versuchte die Polizeibehörde in Leipzig mich unmöglich zu machen, indem sie mich aufforderte, meine zu rezitierenden Gedichte zur Vorzensur einzureichen. Erst auf meinen energischen Hinweis, dass wir seit fast hundert Jahren gegen Dichter keine Vorzensur mehr hätten und dass eine solche Massnahme von keinem Verfassungsartikel, keinem Gesetzes- oder Notverordnungsparagraphen gestützt werden könnte, wurden die Abende ohne Zensur freigegeben. Der Einschüchterungsversuch war misslungen. Der Polizeipräsident von Leipzig ist übrigens Sozialdemokrat. Aber es ging weiter. Die Staatsanwaltschaft erhob Anklage gegen mich in 5 Fällen, und zwar wegen Gedichtstellen, in denen sie Aufforderung zum Ungehorsam, Aufforderung zu Gewalttätigkeiten, Aufreizung zum Klassenhass, Verächtlichungmachung der republikanischen Staatsform und Gotteslästerung erblickte. Der Prozess findet am 24. Oktober statt [2]. Als ich in der letzten Woche in Oberschlesien ankam, wo die Bezirksleitung der Partei fünf Weinert-Abende organisiert hatte, kam plötzlich der Befehl vom Oberpräsidenten, die

Veranstaltungen seien durchweg verboten. Die Begründung zeigt die ganze Hilflosigkeit und Angst der Herren; ich zitiere aus einem offiziösen bürgerlichen Organ: «Das Vortragsverbot des bekannten Schriftstellers Erich *Weinert*, der in der Veranstaltung persönlich mitwirken sollte, wird vom Polizeipräsidium damit begründet, dass die politischen *Gedichte* Weinerts sowie sein persönliches *Auftreten* durch die *satirische Note* gegenwärtig die öffentliche *Sicherheit* gefärdeten». Und so geschah das Absurde, dass ich wohl auf der Bühne sitzen durfte, aber nicht den Mund auftun. Die *Gedichte* wären nicht verboten, andere Genossen trugen sie statt meiner vor. Die *Art* meines Vortrags muss also wohl die öffentliche Sicherheit gefärden. Man könnte das eine Komödie nennen, wenn man nicht wüsste, dass es schon die ersten Barbareien der faschistischen Diktatur sind. Nach langen persönlichen Verhandlungen mit dem Ober- und dem Polizeipräsidium erreichten wir endlich, dass die anderen Abende freigegeben würden, aber mit der Einschränkung, dass ich ausser meinen Gedichten kein anderes Wort an die Versammlung richten dürfe. In Gleiwitz sprach ich im vollbesetzten Stadttheater; das ganze Polizeipräsidium war erschienen, alle Ränge von Polizei garniert. Am Schluss musste der politische Polizeidezernent zugeben, dass die Gedichte zwar aufreizend wären und man sich schwer ihrer Wirkung entziehen könne, aber dass sie durchaus keinen hetzerischen Charakter hätten. Ich habe dem Mann gesagt, dass wir es auch garnicht nötig hätten zu hetzen, denn das besorge der Staat selber besser; wir brauchten nur Tatsachen wiederzugeben.

Als ich jetzt nach Berlin zurückkam, war die nächste Überraschung da. Der für den 7.10. in Magdeburg angesetzte Weinert-Abend war plötzlich von der Polizei verboten worden mit der Begründung, es wäre über mich für ganz Preussen ein Redeverbot verhängt worden. Bis zum Augenblick weiss ich selbst noch nichts davon. Auch habe ich gestern in drei Berliner Versammlungen noch unangefochten sprechen können. Vielleicht fehlt dem Berliner Polizeipräsidenten die Courage, das Verbot in Berlin durchzuführen. An dem Morgen, als ich aus Oberschlesien zurückkam, gab es auch eine kleine Überraschung. Ich wurde morgens um sechs aus dem Bett heraus verhaftet und zum Untersuchungsrichter gebracht. Da war eine Anzeige eingelaufen, ich hätte öffentlich zu einer verbotenen Demonstration aufgefordert. Das war natürlich bestellte Spitzelarbeit; es ist kein Wort daran wahr. Aber es passt sinnvoll in den Plan des Kesseltreibens gegen mich. Ich bin neugierig, was nun geschehen wird. In diesen Tagen reise ich wieder ab, um Vortragsabende durchzuführen in Leipzig, Dresden, Meissen, Pirna, Wurzen, Riesa, Leipzig, Bautzen, Zittau, Freiberg, Stuttgart, Elbing und Königsberg. Ich werde in einem späteren Brief dich über weitere Massnahmen der Behörden unterrichten.

Die Nummern der «Literatur der Weltrevolution» habe ich erhalten. Du schreibst mir im August, dass im September ein Honorar von 100. Mark an mich abgehen sollte. Das ist bisher noch nicht eingetroffen. Einen Artikel, wie du in deinem Briefe anregtest, über die Erfahrungen mit dem Nachwuchs der proletarisch-revolutionären Literatur werde ich nächstens schreiben und dir schicken[3].

Mit kameradschaftlichen kommunistichen Grüssen an dich und die Genossen der Redaktion und des Büros

Erich Weinert

Перевод

Берлин, 5.10.31

Дорогой товарищ Иллеш!

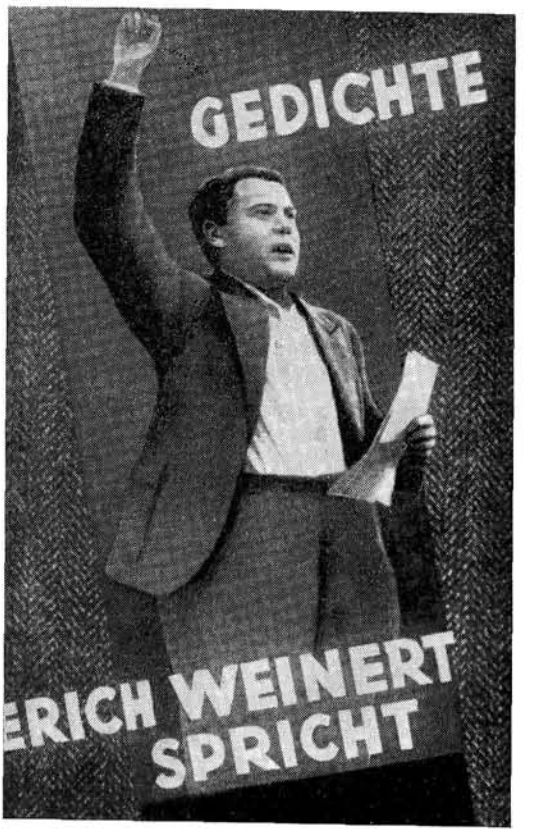
На твое письмо от 29.8 я отвечаю только сегодня, так как последние пять недель я находился в лекционной поездке. Работа в Союзе была для меня возможна за это время лишь в том смысле, что всюду, куда я приезжал, я настойчиво объяснял поэтам агитпропгрупп и рабочим поэтам необходимость активизировать рост литературной смены. В маленьких провинциальных городках встречаешься чаще всего с трогательной беспомощностью. Я до сих пор не могу сообразить, как лучше всего налаживать и поддерживать контакт с добросовестно дилетантствующими провинциальными писателями.

Мои переживания и впечатления во время лекционной поездки наверняка заинтересуют тебя и московских писателей.

Чтобы дать тебе представление об объеме моей агитационной работы, я приведу лишь перечень городов, в которых я выступал в течение последних недель. Это Франкфурт-на-Майне, Хёхст, Крейцнах, Фридберг, Ветцлар, Ганау, Грос-Аухейм, Висбаден, Изенбург, Грисхейм, Бреслау, Виттенберг, Росток, Шваан, Бютцов, Шверин, Висмар, Бойценбург, Грабов, Нейштадт, Пархим, Варен, Нейстрелиц, Гюстров, Фюрстенберг, Ауэрбах, Фалькенштейн, Плауен, Цвикау, Гинденбург, Бейтен, Глейвиц, Нейссе, Оппельн. Это были либо вечера, на которых я два часа рассказывал о своем путешествии по Советскому Союзу и час читал стихи, либо вечера, на которых я в течение двух часов читал сатирические или агитационные стихотворения на актуальные темы.

Самое интересное наблюдение состоит в том, что мои вечера в последнее время посещают по большей части люди, которых мы еще не видели на других собраниях, а именно: люди среднего состояния, мелкие буржуа, служащие, люди с высшим образованием, студенты и т. д. И даже люди из таких слоев проявляют единодушное восхищение. Со мной очень часто заговаривали прежде всего рабочие из числа социал-демократов, которые под впечатлением моей агитации не скрывали, что они также потеряли всякое доверие к своему продажному руководству. В некоторых местах публика состояла главным образом из социал-демократов. Во многих залах воодушевление выливалось в овации. Это должно было сильно задеть представителей правящих кругов и особенно государственных чиновников из социал-демократов. И вот в течение последних недель, как мы и ожидали, против меня началась официальная травля [1]. Сначала полицейские власти Лейпцига попытались зажать мне рот, потребовав, чтобы я представлял на предварительную цензуру те стихотворения, которые намеревался читать. И только благодаря моему энергичному указанию на то, что у нас уже почти сто лет нет предварительной цензуры для поэтов и что такая мера не может быть обоснована ни одной статьей конституции, ни одним параграфом закона или чрезвычайных распоряжений, вечера мои были избавлены от цензуры. Попытка запугать провалилась. Между прочим, полицей-президент Лейпцига — социал-демократ. Но на этом дело не кончилось. Прокуратура возбудила против меня обвинение по пяти пунктам, а именно,— по поводу тех мест в стихотворениях, где она усмотрела призыв к неповиновению, призыв к насилию, подстрекательство к классовой ненависти, издевательство над республиканским государственным порядком и богохульство. Процесс состоится 24 октября [2]. Когда я несколько времени тому назад прибыл в Верхнюю Силезию, где окружное партийное руководство организовало пять Вайнертовских вечеров, внезапно был объявлен приказ обер-президента, запрещающий все эти выступления. Обоснование приказа обнаруживает полную беспомощность и растерянность этих господ; я цитирую официозный буржуазный орган: «Запрещение выступлений известного писателя Эриха Вайнерта, который лично должен был принять участие в вечерах, полицей-президиум обосновывает тем, что политические *стихотворения* Вайнерта, точно так же как и его личные *выступления*, угрожают в настоящий момент, вследствие их *сатирического звучания*, общественной *безопасности*». Таким образом, дело дошло до абсурда — я мог сидеть на сцене, но не смел открыть рот. *Стихотворения* не были запрещены, другие товарищи читали их вместо меня

СБОРНИК СТИХОВ ЭРИХА ВАЙНЕРТА «ERICH WEINERT SPRICHT» («ЭРИХ ВАЙНЕРТ ГОВОРИТ») (BERLIN — WIEN — ZÜRICH, 1930)
Обложка



Следовательно, общественной безопасности должна была угрожать моя *манера исполнения*. Происшедшее можно было бы принять за комедию, если бы мы не знали, что это первые проявления варварства фашистской диктатуры.

После долгих личных переговоров с обер-президиумом и полицей-президиумом мы добились наконец того, что другие вечера были разрешены, но с условием, чтобы кроме стихотворений я не смел обращать к аудитории ни единого слова. В Глейвице я выступал в битком набитом городском театре; присутствовал весь полицей-президиум, полицией были украшены все ярусы. В заключение референт полиции по политическим делам вынужден был признать, что, хотя стихотворения и были возбуждающими и что трудно было избегнуть их воздействия, однако они отнюдь не имели подстрекательского характера. Я сказал ему, что нам вовсе не нужно заниматься подстрекательством, что государство само делает это лучше нас; нам достаточно лишь воспроизводить факты.

Когда я теперь возвратился в Берлин, меня встретила очередная неожиданность. Назначенный в Магдебурге на 7.10 Вайнертовский вечер был внезапно запрещен полицией под тем предлогом, что мне запрещены публичные выступления во всей Пруссии. До настоящего момента я сам об этом еще ничего не знаю. Еще вчера я мог беспрепятственно говорить на трех собраниях в Берлине. Очевидно у берлинского полицей-президента не хватило мужества провести запрет в Берлине. Утром, когда я вернулся из Верхней Силезии, меня также встретила маленькая неожиданность. В шесть часов утра я был арестован, взят прямо из постели и доставлен к судебному следователю. Мне было предъявлено обвинение, что я публично призывал к запрещенной демонстрации. Это была, конечно, состряпанная по заказу провокация; в ней нет ни одного правдивого слова. Однако это очень ловко входит в план травли меня. Я с любопытством ожидаю, что теперь произойдет. На этих днях я снова уезжаю, чтобы про-

вести вечера в Лейпциге, Дрездене, Мейссене, Пирне, Вурцене, Ризе, Лейпциге, Бауцене, Циттау, Фрейберге, Штутгарте, Эльбинге и Кенигсберге. В следующем письме я сообщу тебе о дальнейших мероприятиях властей.

Номера «Литературы мировой революции» я получил. Ты в августе писал мне, что в сентябре мне должен быть выплачен гонорар в 100 марок. До сих пор он не пришел. Статью об опыте работы с молодым поколением пролетарско-революционной литературы, как ты и предлагаешь в своем письме, я скоро напишу и вышлю тебе[3].

С дружеским коммунистическим приветом тебе
и товарищам из редакции и Бюро

Эрих Вайнерт

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 8, л. 3—4об.
На основе настоящего письма в «Литературе мировой революции» (1931, № 10, стр. 119—120) была напечатана заметка «Поэтическое турне Эриха Вайнерта».

[1] Подробный перечень полицейских и судебных преследований Вайнерта был приложен им к письму от 31 октября 1931 г. (п. 4 настоящ. публикации).

[2] Вайнерт был привлечен к суду за выпуск граммофонных пластинок с записью его стихотворений и песен. Ему было предъявлено обвинение в призыве к вооруженному восстанию, в разжигании классовой ненависти и богохульстве. Под давлением многочисленных протестов как в Германии, так и за ее пределами, суд был вынужден оправдать Вайнерта с формальной ссылкой на давность совершенного им «преступления». См. статью «Erich Weinert freigesprochen. Proletarisches Schallplattenkonzert in Moabiter Gerichtssaal» («Эрих Вайнерт оправдан. Пролетарский граммофонный концерт в Моабитском зале суда».— «Die Rote Fahne», 1931, № 190, 25 октября).

[3] В архиве МОРПа этой статьи нет.

4

GENOSSEN BÉLA ILLÉS

Berlin, den 31.10.31

Lieber Genosse Illés!

Gemäss unserer Verabredung schicke ich dir anliegend das notwendige Material. Eben bekomme ich übrigens von der preussischen Landtagsfraktion den Bescheid, dass zum Beispiel der Oberpräsident in Oberschlesien das Verbot wieder aufgehoben hatte, dass aber der Polizeipräsident von Berlin es am 7.10. erlassen habe, mit der Begründung, ich sei bereits mehrmals vorbestraft und hätte in mehreren Versammlungen öffentlich zum Ungehorsam aufgereizt. Das ist nun Schwindel. 1. bin ich unvorbestraft, 2. habe ich niemals in Versammlungen solche Aufforderungen getan. Die Wahrheit, nämlich, dass ich ihnen zu unbequem bin, sagen sie natürlich nicht.

Ich hoffe, dass du wieder wohlbehalten im Lande der Freiheit angekommen bist [1] und grüsse dich und die mir bekannte Genossen

herzlichst, kameradschaftlichst.

Erich Weinert

1 Anlage
Einschreiben

MATERIAL BETREFFS VERFOLGUNGEN ERICH WEINERTS [2]

Im Juli 1931 werden mehrere Weinert-Abende in *Hessen* im letzten Augenblick verboten mit der Begründung, die Polizei sei schon zu sehr in Anspruch genommen.

Der Polizeipräsident von *Frankfurt* am Main droht mit Verhaftung, wenn Weinert seine verbotenen Gedichte rezitieren würde. Dabei sind überhaupt noch keine Gedichte von ihm verboten worden.

In *Friedberg* wird der Weinert-Abend nur unter der Bedingung genehmigt, dass die Vorträge völlig unpolitisch seien (!).

Im September macht die Polizeibehörde von *Leipzig* die Genehmigung zweier Weinert-Abende davon abhängig, dass der Dichter seine Gedichte vorher zur Vorzensur einreiche. Das wird von ihm energisch abgelehnt, da

ДУХ ГИТЛЕРИЗМА

Фотомонтаж Джона Хартфильда. Приложение к газете «AIZ» от 16 октября 1932 г.

Надписи (перевод): Вверху — «Смысл гитлеровского приветствия». Внизу —эпиграф: «Миллионы стоят за мной!» «Маленький человек просит о больших дарах». Под рисунком — «Из содержания: Ни работы — ни хлеба: итог 5 месяцев нацистского правления в Ангальте»

Музей Революции СССР, Москва

jede gesetzliche Grundlage für diese Massnahme fehlt. Daraufhin werden die Abende bedingungslos freigegeben.

Ende September werden in Oberschlesien fünf Vortragsabende Weinerts in *Hindenburg*, *Gleiwitz*, *Beuthen*, *Oppeln* und *Neisse* vom Oberpräsidenten von Oberschlesien verboten. Auf Anfrage eines Abgeordneten der KPD teilt der Oberpräsident mit, Weinert habe in Preussen Redeverbot. Dabei hatte Weinert in den voraufgehenden Tagen noch ungehindert in Berlin sprechen dürfen. Der Abgeordnete wünscht vom Oberpräsidenten zu erfahren, welche gesetzliche Grundlage er für das Redeverbot habe. Er erhält die vage Auskunft, es handle sich um eine ministerielle Verfügung. Auf nochmalige Anfrage wird ihm gesagt, bei der letzten Oberpräsidentenbesprechung sei ein solches Redeverbot *empfohlen* worden. Der Abend in Hindenburg breibt verboten, der Abend in Gleiwitz wird aber unter der Bedingung freigegeben, dass Weinert *nur* rezitiere, aber kein Wort an die Anwesenden richten dürfe. Das Polizeipräsidium habe die Gedichte Weinerts zu zensurieren. Weinert lehnt die Vorzensur ab und erreicht nach Verhandlungen mit dem Polizeipräsidium Gleiwitz, dass auch die Kommentare zu den Gedichten freigegeben werden. Am Abend war das ganze Polizeipräsidium beim Vortragsabend erschienen, um dem Oberpräsidenten Bericht zu erstatten. Auf Grund dieses Berichtes wurden nun die Abende in Neisse und Oppeln freigegeben.

Zitat aus der Verbotsbegründung in Gleiwitz: «...dass die politischen *Gedichte* Weinerts sowie sein persönliches *Auftreten* durch die *satirische Note* gegenwärtig die öffentliche *Sicherheit* gefährden».

Am 7. Oktober soll Weinert in *Magdeburg* einen Vortrag über seine Reise durch Russland halten. Er wird in letzter Minute verboten mit der Begründung, Weinert habe in Preussen Redeverbot. Dabei hatte Weinert noch am 4. Oktober in Berlin in zwei Versammlungen ungehindert reden dürfen.

Am 12. Oktober wird dem Versammlungsleiter der IAH-Kundgebung im Sportpalast in Berlin vom überwachenden Offizier mitgeteilt, dass Weinert auf keinen Fall sprechen dürfe.

Am 22. Oktober wird Weinert bei der Frauenkundgebung der KPD im Berliner Sportpalast das Auftreten verboten. Einem Schauspieler, der anstelle Weinerts seine Gedichte rezitieren will, wird sogar das Sprechen dieser Gedichte verboten. Aber diese Gedichte sind garnicht verboten.

Die Polizeibehörde in *Königsberg* verlangt die vorherige Einreichung der zu rezitierenden Gedichte.

Am 23. und 24. Oktober werden zwei Weinert-Abende in *Königsberg* und am 25. Oktober einer in *Elbing* verboten, im letzten Moment, nachdem sie wochenlang angekündigt waren.

Am 25. Oktober dagegen darf Weinert wieder in einer Berliner Veranstaltung ungehindert sprechen.

Am 26. Oktober wird Weinert sogar in einer Versammlung des Schutzverbandes Deutscher Schriftsteller, in welcher er als ausgeschlossenes Mitglied in Verbandsangelegenheiten sprechen sollte, das Reden verboten[3].

Am 27. Oktober darf Weinert in einer Protestkundgebung des Bundes proletarisch-revolutionärer Schriftsteller auch nicht einmal zu seinem Verbot sprechen.

Am 30. Oktober wird Weinert verboten, auf einer AIZ-Kundgebung[4] zu rezitieren, obwohl er seit Wochen angezeigt war.

Am 31. Oktober dasselbe bei einer Erwerbslosenversammlung und einer Sportveranstaltung.

GERICHTLICHE VERFOLGUNGEN

Am 3. Oktober wird Weinert aus dem Bett heraus verhaftet und dem Untersuchungsrichter zwangsweise vorgeführt, trotz entschuldigten Fernbleibens von einem Termin. Man beschuldigt Weinert in einer Versammlung öffentlich zu einer verbotenen Demonstration aufgefordert zu haben. Hier muss es sich um eine konstruierte Anzeige handeln, denn Hunderttausende von Versammlungsbesuchern können bezeugen, dass Weinert niemals solche Aufforderungen getan hat. Der Polizeipräsident von Berlin fusst bei seinem Verbot auf dieser Meldung und erklärt ausserdem, Weinert sei mehrmals vorbestraft. Daran ist auch kein Wort wahr, Weinert ist noch nicht vorbestraft.

Am 24. ⟨Oktober⟩ findet Gerichtsverhandlung gegen Weinert statt. Unter Anklage stehen seine Schallplatten, auf die er seine Gedichte gesprochen hatte. Diese Gedichte sind zum Teil tausendmal vorgetragen worden, seit vielen Jahren, in allen möglichen Zeitungen veröffentlicht, in unbeschlagnahmten Büchern gedruckt. Das Gericht kommt zum Freispruch aus formalen Gründen, da Verjährung vorliegt.

Перевод

ТОВАРИЩУ БЕЛА ИЛЛЕШУ

Берлин, 31.10.31

Дорогой товарищ Иллеш!

В соответствии с нашей договоренностью я посылаю тебе в приложении необходимый материал. Между прочим, я только что получил извещение от прусской фракции ландтага, где говорится, что, например, обер-президент Верхней Силезии снова отменил запрещение, но что полицей-президент Берлина наложил его 7.10 на том основании, что я не раз был судим и на многих собраниях публично призывал к неповиновению. Все это вранье. 1) Я не был судим. 2) Я никогда не выступал на собраниях

с подобными требованиями. Правду, а именно то, что я для них слишком неудобен, конечно, не говорят.

Я надеюсь, что ты снова благополучно прибыл в страну свободы [1], и приветствую тебя и знакомых мне товарищей.

С сердечным товарищеским приветом

Эрих Вайнерт

1 приложение
Заказным

МАТЕРИАЛ ОТНОСИТЕЛЬНО ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ЭРИХА ВАЙНЕРТА [2]

В июле 1931 г. несколько Вайнертовских вечеров в *Гессене* в последний момент запрещены с мотивировкой, что это уже доставляло полиции слишком много беспокойства.

Полицей-президент *Франкфурта*-на-Майне угрожает арестом, если Вайнерт будет читать свои запрещенные стихи. Между тем, вообще ни одно его стихотворение не было еще запрещено.

В *Фридберге* Вайнертовский вечер разрешен только при условии, что выступления совершенно не будут касаться политики (!).

В сентябре полицейские власти в *Лейпциге* ставят разрешение двух Вайнертовских вечеров в зависимость от представления поэтом его стихов на предварительную цензуру. Это предложение было энергично отклонено им, как лишенное какого бы то ни было законного основания. После этого вечера́ разрешены без всяких условий.

В конце сентября обер-президент Верхней Силезии запрещает пять вечеров с выступлениями Вайнерта в *Гинденбурге*, *Глейвице*, *Бейтене*, *Оппельне* и *Нейссе*. На запрос одного из депутатов от Коммунистической партии Германии обер-президент сообщает, что Вайнерту запрещены публичные выступления в Пруссии. Кстати, в предшествующие дни Вайнерт имел возможность беспрепятственно выступать в Берлине. Депутат желает узнать у обер-президента, какими законными основаниями он располагает для запрещения выступлений. Он получает в ответ неопределенную ссылку на министерское распоряжение. После вторичного запроса ему сообщают, что такое запрещение было *рекомендовано* последним обер-президентским совещанием. Вечер в Гинденбурге остается запрещенным, а вечер в Глейвице разрешают при условии, что Вайнерт ограничится *только* чтением и не произнесет ни одного слова, обращенного к присутствующим. Полицей-президиум требует, чтобы стихи Вайнерта были цензурованы. Вайнерт отказывается от предварительной цензуры и после переговоров с полицей-президиумом Глейвица добивается того, что разрешены и комментарии к стихам. Вечером в зале появился весь полицей-президиум, чтобы представить доклад обер-президенту. В результате этого доклада вечера в Нейссе и Оппельне были разрешены.

Мотивировка запрещения в Глейвице (цитата): «...что политические *стихотворения* Вайнерта и его личные *выступления* своим *сатирическим звучанием* угрожают в настоящее время общественной *безопасности*».

7 октября Вайнерт должен был выступить в *Магдебурге* с докладом о своей поездке по России. В последний момент доклад был запрещен на том основании, что в Пруссии Вайнерту запрещены публичные выступления. Кстати, еще 4 октября Вайнерт имел возможность беспрепятственно говорить на двух собраниях в Берлине.

12 октября на митинге Межрабпома во Дворце спорта в Берлине дежурный офицер сообщает руководителю собрания, что Вайнерт ни в коем случае не должен выступать.

22 октября Вайнерту запрещено выступать на женском митинге КПГ в берлинском Дворце спорта. Актеру, который хотел прочесть вместо Вайнерта его стихи, чтение этих стихов было запрещено, хотя они не являются запрещенными.

Полицейские власти в *Кенигсберге* требуют предварительного представления намеченных к чтению стихов.

23 и 24 октября два Вайнертовских вечера в *Кенигсберге*, а 25 октября вечер в *Эльбинге* запрещены в последний момент, хотя полиция была извещена о них за неделю.

Вопреки этому 25 октября Вайнерт снова беспрепятственно выступал на одном из берлинских собраний.

26 октября Вайнерту запрещено выступление даже на собрании Союза защиты немецких писателей, где он, как один из исключенных членов, должен был говорить по внутренним делам Союза [3].

27 октября Вайнерт не мог говорить на митинге протеста, созванном Союзом пролетарско-революционных писателей, по поводу запрета его выступлений.

30 октября Вайнерту запрещено читать стихи на митинге «Arbeiter-Illustrierte-Zeitung» [4], хотя об этом было объявлено за несколько недель.

То же произошло 31 октября на собрании безработных и на спортивном вечере.

СУДЕБНЫЕ ПРЕСЛЕДОВАНИЯ

3 октября Вайнерт поднят с постели, арестован и принудительно доставлен к судебному следователю, несмотря на оправдывающее его неявку отсутствие вызова в суд. Вайнерта обвиняют в том, что он на одном из собраний открыто призывал к запрещенной демонстрации. В основу обвинения, несомненно, был положен ложный донос, потому что сотни тысяч участников собраний могут подтвердить, что Вайнерт ни разу не выступал с подобными призывами. Полицей-президент Берлина обосновывает свое запрещение этим доносом и заявляет, кроме того, что Вайнерт имеет несколько судимостей. В этом тоже нет ни слова правды. Вайнерт еще не имеет судимости.

24 октября происходит судебный процесс против Вайнерта. В основу обвинения положены его граммпластинки со стихами в авторском чтении. Часть этих стихов была читана публично тысячу раз, была опубликована за много лет до этого в самых различных газетах, напечатана в книгах, не подвергавшихся конфискации. Суд по формальным основаниям, в виду истечения срока давности, выносит оправдательный приговор.

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 8, л. 5.

[1] Иллеш в октябре 1931 г. приезжал в Берлин (см. об этом: «Die Rote Fahne», 1931, № 189, 24 октября).

[2] В несколько измененном виде этот материал был напечатан в «Die Linkskurve», 1931, № 11. Ряд перечисленных в этом перечне фактов полицейского произвола и беззакония был приведен Вайнертом в предыдущем письме от 5 октября 1931 г. (см. п. 3).

[3] В октябре 1931 г. руководство Союза защиты немецких писателей приняло решение исключить из Союза большую группу революционных писателей (так называемую «оппозицию»), которая возглавляла берлинское отделение Союза. В ходе борьбы против этого реакционного акта 26 октября в Берлине был проведен массовый митинг солидарности. Большое количество документов, относящихся к этому исключению, опубликовано в сб. «Aktionen... Bekenntnisse... Perspektiven...», стр. 377—396.

[4] «Arbeiter-Illustrierte-Zeitung» («Рабочая иллюстрированная газета»)— одно из периодических изданий КПГ. В 1921—1933 гг. выходила в Берлине, в 1933—1939 гг. — в Праге (см. сб. «Zur Tradition...», стр. 32 и 905).

5

GENOSSEN BÉLA ILLÉS

Berlin, den 26.1.32

Lieber Genosse Illés!

Endlich komme ich wieder dazu, dir zu schreiben. Ich habe die Zeitungen mit den Protesten erhalten und danke allen Genossen aufs Herzlichste, die mich in dem Kampf gegen die kulturfaschistischen Unterdrückungsmassnahmen unterstützen [1]. In Deutschland scheint die Protestbewegung unserer Organe mir nicht hinreichend zu sein. Viele Organisationen haben sich eben mit dem Verbot gegen mich abgefunden und melden mich bei der Polizei als Vortragenden schon garnicht mehr an. Andere nehmen das Verbot

«ХЛЕБ И РАБОТУ ВСЕМ ТРУДЯЩИМСЯ»
Плакат Алекса Кейля
Берлин, 1920-е годы
Надпись (перевод): «Выбирайте делегатов на Конгресс трудящихся!»
Музей Революции СССР, Москва

einfach hin, ohne die gesetzlichen Möglichkeiten der Beschwerde und Klage zu erschöpfen, womit man den diktierenden Instanzen immerhin einige Schwierigkeiten machen kann. Mit der Resignation tun wir den Staatsfunktionären nur den grössten Gefallen.

Die Protestresolutionen, die hier gefasst wurden (es war sogar eine einstimmig angenommene des Schutzverbandes deutscher Schriftsteller dabei), haben auf die Regierenden keinen Einfluss ausgeübt, das Verbot ist nicht nur nicht gelockert, sondern sogar verschärft worden insofern, als der preussische Innenminister Severing[2] jetzt angeordnet hat, dass auch meine Gedichte von *andern* nicht mehr gesprochen werden dürfen. Der Oberpräsident Brandenburg hat die Polizeimassnahmen sogar noch gedeckt mit folgender Begründung: «Die Gedichte des Schriftstellers Weinert sind in ihrer Mehrzahl zur Verhetzung der Bevölkerung und damit zur Gefährdung der öffentlichen Sicherheit und Ordnung geeignet, wenn sie in einer politischen Versammlung rezitiert werden».

Merkwürdigerweise ist in allen ausserpreussischen Ländern mit Ausnahme Hamburgs mir von einem Redeverbot noch nichts bekannt geworden. So habe ich z. B. in der letzten Zeit in Sachsen sehr oft ungehindert sprechen dürfen. Ich erwarte jedoch, dass Gröner [3] sehr bald ein Verbot für das ganze Reich erlassen wird. Wenn es mir auch eine Genugtuung bereitet, zu den Staatsgefährlichsten zu gehören (weil mir die Verfolgungen die Richtigkeit meiner revolutionären agitatorischen Arbeit bestätigen), so bringt es mir doch jeden Tag schmerzliche Depressionen ein, nicht mehr

wie früher von Massenversammlung zu Massenversammlung sausen zu dürfen und Feuer hineinzutragen. Zwar springt in letzter Zeit meine Frau [4] als tapfere Genossin für mich ein und spricht meine Gedichte, wo es mir verboten wird; aber der neue Erlass Severings wird ihr auch das unmöglich machen.

Im anliegenden Blatt habe ich dir eine Chronik der weiteren Verfolgungen seit dem 1.11.31 zusammengestellt.

Da ich für die Vortragsabende, die ich für die Münzenbergverlage und andere überparteiliche Organisationen übernehme, immer ein mehr oder minder anständiges Honorar erhalten habe, so ist mir durch die Verbot ein grosser Teil meiner existenziellen Grundlage entzogen worden. Aber auch meine schriftstellerische Arbeit ist äusserst eingeengt dadurch, dass die Presse meine Arbeiten nur mit gewissen Bedenken veröffentlicht, aus Furcht vor Presseverboten.

Da mir so meine einzigen Erwerbsquellen verstopft werden, bin ich in eine so schwierige Lage gekommen, dass ich schon seit Monaten keine Miete mehr zahlen kann und mit der Exmission rechnen muss. Es ist schwer, unter diesem Druck arbeitsfähig zu bleiben.

Du sagtest mir damals in Berlin [5], dass du nach deiner Rückkehr den Abschluss meines Vertrages wegen meines Buches [6] betreiben wolltest. Wie weit ist es damit? Ich verbinde mit dieser Frage nämlich eine Hoffnung: vielleicht ist es dem Verlag möglich, mir einen Teil des Honorars in Valuten zu überweisen, damit ich wenigstens meine dringendsten Schulden, die sich schon auf 500 Mark belaufen, begleichen kann.

Vor einiger Zeit bekam ich von einer Übersetzerin aus Leningrad die Übersetzung meines Gedichts «Proletariers Neujahr». Ich schicke dir es mit [7]. Ihr könnt es vielleicht im Buch verwenden, falls es noch nicht oder schlechter übersetzt ist. Genosse Tarassow-Rodionow, dem ich die Übersetzung zeigte, hält sie für ausgezeichnet.

Ich erwarte, recht bald von dir zu hören und begrüsse dich kameradschaftlichst.

Erich Weinert

2 Anlagen
Einschreiben

P. S. Die Adresse der obenerwähnten Übersetzerin ist: Elisabeth Gaidaenko-Delby, Leningrad, Prospekt Krasnych Komandirow No. 16/30, Wohnung 63.

CHRONIK DER WEINERT-VERFOLGUNGEN SEIT DEM 1.11.31

5.11.31. Sozialdemokratischer Polizeisenator Schönefelder in *Hamburg* verbietet mein Auftreten in der Revolutionsfeier der KPD in letzter Stunde. Erstes Redeverbot *ausserhalb* Preussen.
11.11.31. Auftreten in *Bitterfeld* verboten.
11.11.31. Polizeibehörde in *Jena* verlangt trotz bereits erfolgter Genehmigung Einreichung der Manuskripte. Wird abgelehnt. Damit Auftreten verboten.
19.11.31. Auftreten in *Teuchern* nur bedingt erlaubt.
20.11.31. Auftreten in *Ammendorf* verboten.
27.11.31. Polizeibehörde *Aschersleben* verlangt Vorzensur. Abgelehnt. Daher Verbot.
1.12.31. Dasselbe geschieht in *Halle*.
1.12.31. Auftreten in *Galbe* verboten.
10.12.31. Fest der Universumbücherei [8] in Berlin. 12 revolutionäre Autoren dürfen vortragen. Allein mir wurde es verboten.

14.1.32. Kundgebung «13 Jahre KPD» im Sportpalast. Auftreten verboten.
20.1.32. Auftreten auf einer Kundgebung in *Berlin* verboten.
21.1.32. Zwei Weinert-Abende in *Breslau*, bereits seit 14 Tagen genehmigt, werden in letzter Stunde, nachdem ich bereits nach Breslau unterwegs war, verboten. Es lag telegrafische Anweisung des preussischen Innenministeres an den Breslauer Polizeipräsident vor, dass ich nicht nur nicht sprechen, sondern auch ein *anderer* meine Gedichte nicht rezitieren dürfe.
24.1.32. Autorenabend des proletarischen Buches. Ich sollte neben Becher, Gläser, Renn usw. sprechen, wurde aber, als ich die Bühne betreten wollte, von einem Polizeibeamten daran gehindert.

Перевод

ТОВ. БЕЛА ИЛЛЕШУ

Берлин, 26.1.32

Дорогой товарищ Иллеш!

Наконец-то, я снова берусь за письмо тебе. Я получил газеты с заявлениями протеста и от всего сердца благодарю всех товарищей, которые поддерживают меня в борьбе с культурфашистскими методами подавления [1]. Кампания протеста наших органов печати в Германии кажется мне недостаточной. Многие организации считаются с наложенным на меня запрещением и уже больше не посылают в полицию заявок на мои выступления. Другие просто смиряются с этим запрещением, отнюдь не исчерпав предоставляемых законом возможностей обжалования, чем можно было бы все же причинить руководящим инстанциям некоторые трудности. Примиряясь, мы лишь доставляем величайшее удовольствие чиновникам.

Принятые здесь резолюции протеста (среди них была даже единогласно принятая резолюция Союза защиты немецких писателей) не оказали на власти никакого воздействия, запрещение не только не ослаблено, но даже усилено — так теперь распорядился министр внутренних дел Пруссии Зеверинг [2]: мои стихотворения больше не имеют права читать и *другие лица*. Обер-президент Бранденбурга даже подкрепил эти полицейские мероприятия следующим обоснованием: «Стихотворения писателя Вайнерта, когда их читают на политическом собрании, способствуют в большей своей части подстрекательству населения и тем самым угрожают общественной безопасности и порядку».

Примечательно, что мне пока еще ничего не известно о запрещении моих выступлений вне пределов Пруссии, за исключением Гамбурга. Так, например, в последнее время я очень часто беспрепятственно выступал в Саксонии. Однако я думаю, что Грёнер [3] очень скоро издаст запрет, который будет распространен на всю страну. И если мне даже доставляет удовлетворение принадлежность к особенно опасным для государства лицам (потому что эти преследования подтверждают правильность моей революционной агитаторской работы), то все же каждый день я испытываю болезненную подавленность из-за того, что не могу более, как раньше, спешить с одного массового собрания на другое и воспламенять народ. Хотя в последнее время моя жена [4] как мужественный товарищ по партии заменяет меня и читает мои стихи там, где это мне запрещено, однако новый указ Зеверинга сделает это для нее также невозможным.

На прилагаемом листке я набросал для тебя хронику дальнейших преследований, начиная с 1.11.31.

Так как за вечера, которые я провожу для издательства Münzenberg и других внепартийных организаций, я всегда получаю более или менее приличный гонорар, то теперь в результате их запрещения я лишился большей части средств к существованию. Моя писательская деятельность также значительно сократилась из-за того, что пресса, боясь запрещения, публикует мои работы только с некоторой опаской.

Поскольку единственные источники моего заработка закрыты, я попал в столь тяжелое положение, что уже в течение нескольких месяцев не могу уплатить за квартиру и должен считаться с возможностью выселения. Трудно оставаться работоспособным под давлением таких обстоятельств.

Ты говорил мне тогда в Берлине [5], что после своего возвращения ты постараешься ускорить заключение договора на мою книгу [6]. В каком положении сейчас это дело? Я связываю с этим вопросом одну надежду: может быть, для издательства окажется возможным перевести мне часть гонорара в валюте с тем, чтобы я по крайней мере смог рассчитаться с самыми неотложными долгами, которые достигают 500 марок.

Некоторое время тому назад я получил от одной ленинградской переводчицы перевод моего стихотворения «Пролетарский Новый год». Я посылаю его тебе [7]. Вы можете его использовать в книге, если оно еще не переведено или переведено хуже. Товарищ Тарасов-Родионов, которому я показал перевод, находит его отличным.

Я ожидаю от тебя скорых известий и дружески приветствую тебя.

Эрих Вайнерт

2 приложения
Заказным

P. S. Адрес упомянутой выше переводчицы: Елизавета Гайдаенко-Дельби. Ленинград, проспект Красных командиров, № 16/30, кв. 63.

ХРОНИКА ПРЕСЛЕДОВАНИЙ ВАЙНЕРТА С 1.11.31

5.11.31. Полицейский сенатор, социал-демократ Шёнефельдер в *Гамбурге* запрещает в последний момент мое выступление на революционном празднике КПГ. Первый *за пределами* Пруссии запрет публичных выступлений.

11.11.31. Выступление в *Биттерфельде* запрещено.

11.11.31. Полицейские власти в *Иене* требуют, вопреки уже данному разрешению, представления рукописей. Отклонено. Вследствие этого выступление запрещено.

19.11.31. Выступление в *Тейхерне* разрешено только условно.

20.11.31. Выступление в *Амендорфе* запрещено.

27.11.31. Полицейские власти в *Ашерслебене* требуют предварительной цензуры. Отклонено. В результате — запрет.

1.12.31. То же происходит в *Галле*.

1.12.31. Выступление в *Гальбе* запрещено.

10.12.31. Праздник Универсальной библиотеки[8] в Берлине. Выступают 12 революционных писателей. Только мне запрещено выступать.

14.1.32. Митинг «13 лет КПГ» во Дворце спорта. Выступление запрещено.

20.1.32. Запрещено выступление на митинге в *Берлине*.

21.1.32. В *Бреслау* запрещены в последний момент, когда я уже был на пути в Бреслау, два Вайнертовских вечера, которые были разрешены за 14 дней до этого. Это произошло после телеграфного указания министра внутренних дел Пруссии полицей-президенту Бреслау о том, что не только я не должен выступать, но что и никто *другой* не имеет права публично читать мои стихи.

24.1.32. Авторский вечер пролетарской книги. Я должен был выступать наряду с Бехером, Глезером, Ренном и др. Но когда я хотел выйти на сцену, мне помешал это сделать полицейский чиновник.

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 9, лл. 1—2.

[1] Полицейские преследования Вайнерта, принявшие особенно широкие размеры в октябре — ноябре 1931 г., вызвали сильную волну протестов как внутри Германии, так и за ее пределами. Против антидемократических действий германской полиции выступили многие крупные писатели и деятели культуры. В письме, адресованном Б. Ясенскому, Р. Роллан 4 ноября 1931 г. сообщал, что он с готовностью присоединяется к протесту против преследований Вайнерта: «Поставьте мое имя! Я всегда был и остаюсь по самой своей природе борцом за Независимость Духа» (см. настоящ. том, стр. 230). В результате энергичных действий международной общественности запрет, наложенный на выступления Вайнерта, был отменен весной 1932 г.

[2] Карл *Зевринг* (1875—1952) — один из лидеров германской социал-демократии, верный прислужник буржуазии, проводивший политику подавления рабочего движения в Германии и гонений на Коммунистическую партию. Министром внутренних дел Пруссии Зевринг был в 1919—1926 и в 1930—1932 гг.

[3] Вильгельм *Грёнер* (1867—1939) — немецкий генерал и политический деятель, в 1928—1932 гг.— министр рейхсвера.

[4] Жена Вайнерта Ли Вайнерт (рожд. Холмс) была актрисой.
[5] См. примеч. 1 к п. 4.
[6] См. примеч. 4 к п. 1.
[7] Текст этого перевода сохранился в архиве МОРПа (ИМЛИ, ф. 166, оп. 1, ед. хр. 7, л. 1—2).
[8] «Universumbücherei für Alle» («Универсальная библиотека для всех»)—издательство, выпускавшее массовую литературу для рабочих (см. о нем в сб. «Zur Tradition...», стр. 32).

6

VEREINIGUNG REVOLUTIONÄRER SCHRIFTSTELLER

Berlin, den 11.3.32

Lieber Genosse Illés!

Dein Telegramm vom 27.2. [1] kann ich leider jetzt erst beantworten, da ich inzwischen auf Vortragsreisen war. In der Anlage schicke ich dir die Antwort auf eure Umfrage und hoffe, dass sie noch zur rechten Zeit ankommt [2].

Mein Redeverbot ist jetzt mit Rücksicht auf den Wahlkampf gelockert worden [3]. Vielleicht ist das nur eine schöne Geste und das neue Verbot wird bald wieder verhängt werden; vielleicht aber auch ist es den Ordnungshütern jetzt selber nicht mehr recht wohl gewesen, da ich ihnen keine Ruhe lasse. Wenn sich etwas Neues ereignen sollte, gebe ich dir weitere Nachricht.

Hast du übrigens meinen eingeschriebenen Brief vom 21. Januar nicht erhalten? [4] Ich hatte dich darin dringend um eine Antwort gebeten.

Ich begrüsse dich und die Genossen der Vereinigung aufs kameradschaftlichste.

Erich Weinert

1 Anlage
Einschreiben

Перевод

ОБЪЕДИНЕНИЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ

Берлин, 11.3.32

Дорогой товарищ Иллеш!

К сожалению, только теперь я могу ответить на твою телеграмму от 27.2[1], так как все это время я разъезжал с докладами. В приложении я посылаю ответ на вашу анкету и надеюсь, что он придет еще вовремя [2].

Ввиду предвыборной борьбы запрет на мои выступления теперь ослаблен [3]. Возможно, это только красивый жест и новое запрещение будет скоро опять введено; возможно, самим блюстителям порядка стало теперь не по себе, так как я не оставляю их в покое. Если случится что-нибудь новое, я тебе дам знать.

Получил ли ты, между прочим, мое заказное письмо от 21 января?[4] В нем я настоятельно просил тебя об ответе.

Приветствую тебя и товарищей из Объединения самым дружеским образом.

Эрих Вайнерт

1 приложение
Заказным

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 9, л. 3.

[1] Эта телеграмма в архиве МОРПа не сохранилась.
[2] В начале 1932 г., в связи с усилившейся угрозой мировой империалистической войны, МОРП обратился к писателям всего мира с вопросом: «Что вы делаете, что вы намерены сделать сейчас, когда империалистическая война уже началась, когда японский империализм громит уже Китай, когда война, вспыхнувшая на Востоке, грозит превратиться в войну всех империалистов против СССР?»
Часть полученных ответов напечатана в «Литературе мировой революции», 1932, № 4, стр. 7—25 (ответ Вайнерта — стр. 12; немецкий текст его опубликован в журнале «Internationale Literatur», 1932, № 2, и перепечатан в сб. «Aktionen... Bekenntnisse... Perspektiven...», стр. 514—515).
[3] В марте 1932 г. в Германии проходили выборы президента; второй тур этих выборов был проведен в апреле того же года. Кроме того, в апреле состоялись выборы в прусский ландтаг.
[4] В архиве МОРПа письмо не сохранилось. Возможно, что дата 21 января указана здесь Вайнертом по ошибке и что речь идет о его письме от 26 января (см. п. 5).

7

GENOSSEN BÉLA ILLÉS, INTERNATIONALES BÜRO

Berlin, 2.4.32

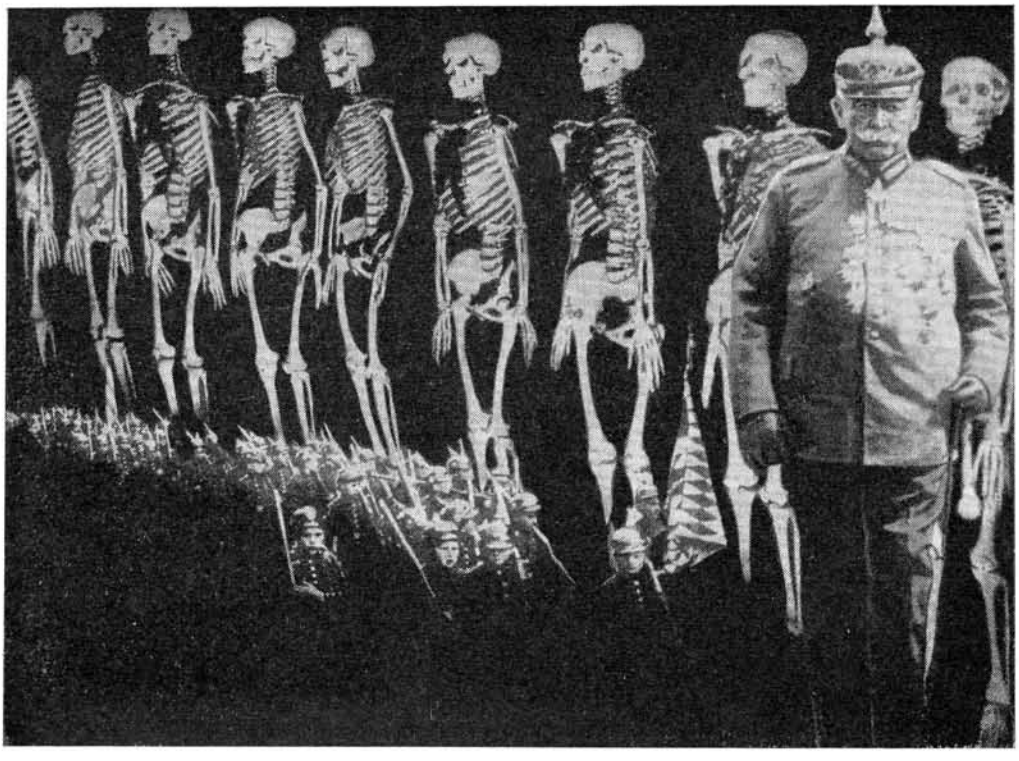
Lieber Genosse Illés!

Ich danke dir für deinen Brief vom 22. März. Die Zeitungen hatte ich bekommen, in denen ihr eure Proteste gegen mein Redeverbot veröffentlichtet [1]. Proteste in dieser Form, substantiviert und die Aufmerksamkeit des Lesers erregend, sind leider in Deutschland nicht erschienen. Die gesamte Arbeit des Beschwerens bei Behörden, der Darstellung des weiteren Verlaufs der Verbotsschikanen, der Aufwühlung der Versammlungsöffentlichkeit gegen diese Schande ist fast allein von mir geleistet worden. Gewisse resignierend-fatalistische Stimmungen der Organisationen machten es den Behörden insofern sehr leicht, als mein Name als der eines Mitwirkenden bei Kundgebungen in den Anmeldungen bei der Polizei nicht mehr erschien, da die Genossen vielleicht fürchten mochten, dass die Anführung meines Namens die ganze angemeldete Versammlung der Gefahr eines Verbots aussetzen könnte. Später habe ich dann, neben reichlichen Beschwerden bei präsidialen Instanzen, zu dem Mittel gegriffen, einfach unangemeldet in Versammlungen aufzutreten und dadurch die Polizei gezwungen, ihr Einschreiten gegen mich wenigstens in der Öffentlichkeit plastisch vorzuführen. Und das wirkte! Endlich, vor vier Wochen etwa, bekam ich vom Polizeipräsidenten einen Brief, in dem er mir zunächst, aus Rücksicht auf den Wahlkampf gestattet, öffentlich zu sprechen [2]. Ob nun nach dem 24.4. [3] das Verbot automatisch wieder verhängt wird, weiss ich nicht. Ich habe fast das Gefühl, dass den Herrschaften die tägliche Unruhe und die Kosten, die ich ihnen verursachte, das Behagen an ihrem Handwerk beeinträchtigte und sie das Verbot lieber in Vergessenheit geraten lassen werden.

Du schreibst mir, dass ich nun endlich energisch in die Arbeit des Bundes hineingezogen werden müsse. Ich finde in deinem Imperativ, lieber Genosse Illés, doch einen Ton versteckt, der an einen Vorwurf erinnert. Solltest du meine Einwände, dass ich einfach aus Mangel an Zeit mich dem Bunde nicht so widmen könne wie es notwendig wäre, doch als eine Ausrede betrachten, hinter der ein Mangel an Interesse am Bunde sich verhüllt? Vielleicht auch bist du der Meinung des Genossen Becher, der mir neulich sagte, ein Schriftsteller könne unmöglich Tag für Tag von früh bis nachts produzieren. Aber ich muss es. Denn es gibt keines von unseren Organen, keine von unseren Organisationen, bis hinunter zu Kulturklubs und Zellen, die mich nicht mit agitatorischer Arbeit versorgten. Verlass dich darauf, lieber Genosse, es ist jeder Strich, den ich tue, notwendige Parteiarbeit. Und dass diese Arbeit richtig ist, beweist mir der Erfolg. Aber dir zum Trost kann ich dir mitteilen, dass ich zum Vorsitzenden der Berliner Ortsgruppe des Bundes gewählt worden bin, und in dieser Funktion mir jetzt eines vor allem angelegen sein lassen werde, die Zusammenschliessung der jungen, vor allem proletarischen Kräfte zu lebenfördernden Arbeitsgemeinschaften. Allerdings wird meine Zeit in Kürze noch beschränkter werden; die Partei hat mich nämlich zum preussischen Landtagsabgeordneten nominiert.

Du teilst mir mit, dass ihr mich einladen werdet zur Konferenz. Darüber bin ich sehr erfreut. Ich bitte euch aber, mir möglichst früh mitzuteilen, wann die Konferenz stattfinden soll [4]. Ich habe mich in der nächsten Zeit für eine Reihe von Vortragsreisen verpflichtet, mit denen ich nicht in Kollision kommen möchte.

Die Übersetzung meiner Gedichte geht recht langsam. Die Manuskripte liegen doch nun fast ein Jahr im Büro. Auf meine Anfrage, die ich im vorletzten Briefe tat, hast du auch in diesem Briefe mir keine Antwort gegeben.



«ЛЮДЕНДОРФ»
Фотомонтаж Джона Хартфильда, 1934
Из альбома: «Chronik in Liedern», Berlin, s. a.

Ich fragte dich, ob der Abschluss des Verlagsvertrages noch lange auf sich warten liesse, und ob es nicht möglich wäre, mir einen kleinen Teil des Honorars in Valuten zu überweisen, da ich durch Redeverbote, Buch- und Schallplattenkonfiskationen materiell vollkommen auf den Hund gekommen bin. Ich habe z. B. seit vier Monaten keine Miete gezahlt und kann eines Tages mit der Exmission rechnen, und dann wäre es aus mit der Arbeit.

Ich hoffe bald wieder von dir zu hören und begrüsse dich kameradschaftlich.

Dein Erich Weinert

P. S. Die gewünschten Zeilen zum Thema Kriegsvorbereitungen für Chor werde ich schreiben und sie dir in den nächsten Tagen zusenden [5].

Перевод

ТОВ. БЕЛА ИЛЛЕШУ. МЕЖДУНАРОДНОЕ БЮРО

Берлин, 2.4.32

Дорогой товарищ Иллеш!

Спасибо за твое письмо от 22 марта. Газеты, в которых вы публикуете ваши протесты против запрещения моих выступлений, я получил [1]. Подобного рода протесты, содержательные и возбуждающие внимание читателя, в Германии, к сожалению, не появлялись. Вся работа по обжалованию перед властями, по освещению дальнейшего хода связанных с запрещением каверз, по возбуждению общественности против этого позора,— все это сделано почти полностью мною одним. Известные примирительно-фаталистические настроения ряда организаций облегчили властям их дело, так как

мое имя в качестве участника собраний не значилось больше в заявках, представляемых полиции; товарищи, возможно, опасались, что включение моего имени может поставить под угрозу запрета всё собрание, о котором они извещали полицию. Позднее, наряду с многочисленными обжалованиями в высших инстанциях, я прибегнул к другому средству и просто без предварительной заявки выступал на собраниях и тем самым вынуждал полицию применять против меня свою власть по крайней мере перед лицом общественности. И это действовало! Наконец, почти четыре недели тому назад, я получил от полицей-президента письмо, в котором он, в связи с предвыборной борьбой, разрешает мне публичные выступления [2]. Будет ли снова после 24 апреля [3] автоматически введен запрет, я не знаю. У меня такое чувство, что постоянное беспокойство и расходы, которые я причиняю этим господам, испортили им удовольствие от их ремесла и что они готовы, пожалуй, предать запрет забвению.

Ты пишешь мне, что я, наконец, должен теперь энергично втянуться в работу Союза. Однако в твоем требовании, дорогой товарищ Иллеш, я чувствую скрытый оттенок, напоминающий упрек. Неужели ты рассматриваешь мои доводы о том, что я просто по недостатку времени не мог посвятить себя Союзу настолько, насколько это необходимо, как отговорку, за которой скрывается отсутствие интереса к Союзу? Ты, вероятно, разделяешь мнение товарища Бехера, который мне недавно сказал, что писатель не может день за днем с утра до ночи писать. Но я должен это делать. Ибо нет ни одного из наших органов, ни одной нашей организации, включая клубы культуры и ячейки, которые не нагружали бы меня агитационной работой. Будь уверен, дорогой товарищ, что каждая запятая, которую я ставлю, это необходимая партийная работа. И то, что эта работа правильна, доказывает мне ее успех. Но в утешение тебе могу сообщить, что я выбран председателем берлинской группы Союза и в этой роли мне теперь нужно будет прежде всего заботиться о сплочении молодых, в первую очередь, пролетарских сил в жизнеспособные рабочие организации. Во всяком случае, вскоре у меня будет еще меньше времени; партия выдвинула меня в депутаты прусского ландтага.

Ты мне сообщаешь, что вы пригласите меня на конференцию. Я очень рад этому. Только прошу тебя сообщить мне как можно скорее, когда состоится конференция [4]. Я дал обязательство совершить в ближайшее время ряд поездок с выступлениями, и мне не хотелось бы нарушать его.

Перевод моих стихотворений идет очень медленно. Рукописи почти год лежат в Бюро. На мой вопрос, который я задал в предпоследнем письме, ты мне и в этом письме ничего не ответил. Я спрашивал тебя, долго ли еще придется ждать заключения договора с издательством и нельзя ли было бы перевести мне в валюте небольшую часть гонорара, поскольку в результате запрещения выступать, конфискации книг и пластинок, я оказался в крайней нужде. Например, в течение четырех месяцев я не платил за квартиру и в любой день могу быть выселен, а тогда конец работе.

Я надеюсь в скором времени вновь услышать о тебе.

С дружеским приветом

твой Эрих Вайнерт

P. S. Стихи для хора на тему подготовки войны, которые ты хотел получить, я напишу и вышлю в ближайшие дни[5].

Машинопись с автографической подписью. ИМЛИ, ф. 169, оп. 2, ед. хр. 9, л. 4—5.

[1] См. п. 5 и примеч. 1 к нему.

[2] См. примеч. 3 к п. 6.

[3] На 24 апреля 1932 г. было назначено судебное разбирательство по делу Вайнерта (см. п. 3 и приложение к п. 4).

[4] Очевидно, в письме Иллеша от 22 марта 1932 г., на которое отвечает Вайнерт, говорилось о намеченной на ближайшее время в Москве конференции МОРПа. В связи с Постановлением ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» конференция не была проведена. 17 мая состоялось собрание актива МОРПа с участием делегации от Союза пролетарско-революционных писателей Германии (см.: «Литература мировой революции», 1932, № 5, стр. 3). Вайнерт на этом собрании, по-видимому, не присутствовал.

[5] В архиве МОРПа эти стихи не обнаружены.